

А.И. Кузнецова

Московский государственный университет

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ НА ПИСЬМЕ
НА ПРИМЕРЕ НЕЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ
РЕЧИ (язык бесермян на фоне других уральских
языков)**

Аннотация: в статье рассматриваются особенности передачи эмоций в языке бесермян, проживающих в селе Шамардан на севере Удмуртии. Автор устанавливает взаимосвязи способов выражения эмоций с различными частями речи, в первую очередь, служебными.

Ключевые слова: эмоция, междометие, интонация, уральские языки.

Определение понятия «эмоция» у лингвистов и психологов различается. Латинское *ē-moveo*, *-ēre* имеет шесть значений, из которых шестое означает 'потрясать; волновать, колебать' (Дворецкий, 1976: 368). В англ. языке *emotion* передает (под номером 2) любое сильное чувство (радость, печаль, ненависть или любовь и др.). (Morris. Ed. 1971). В русск. языке слово *эмоция* трактуется как 'душевное переживание, чувство' (ССРЛЯ, 1965). В 'Кратком психологическом словаре' Л.А. Карпенко (1985) глагол *emoveo* 'потрясаю, волнуя' определяется как «психическое *отражение* в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к *потребностям* субъекта» (с. 407). Иными словами, эмоция – средство, позволяющее определять человеку состояние его собственного организма. При этом среди многих форм эмоций можно выделить вкусовые,

температурные переживания, которые побуждают человека к сохранению или устранению их. Эмоции имеют разные качественные характеристики (удивление, радость, отвращение, негодование, тревога, печаль и т.п.). Об эмоциях можно судить по их внешнему выражению, проявляющемуся и в мимике, и в речи; причем в речи они выявляются нередко в аллитерации (в подборе слов с повторяющимися звуками или слогами), что характерно, напр., для карельских плачей. В среднекарельской (сезозерской) традиции (в частности, в похоронном плаче) наблюдается длинная ‘аллитерационная цепочка и менее частая смена аллитерирующих звукосочетаний’ (Степанова 1984: 140). См.: **Kuin rubiet, kuukolkaizen, näillä kunnivokkahilla čuppuzilla ažetteliudumah?** «Как же будешь ты, моя куколка, садиться в этот почетный угол?» (Степанова 1984: 136). Эмоции проявляются при общении людей, влияя на выбор партнеров, определяя способы и средства общения (в том числе выразительные движения), различающиеся в различных культурах и в разные эпохи. Эмоции могут вызывать изменения в настроении (впрочем, не исключено и обратное воздействие), что неминуемо сказывается и на речи человека.

Способы выражения эмоций в языке

Существует немало способов выражения эмоций не только в устной речи, но и на письме. Среди этих способов особое место занимают многочисленные **междометия**, отдельные функции которых могут выполнять также, напр., имена существительные, произносимые с **определенной интонацией**, обычно на письме выражаемой разными **знаками препинания** (Ужас! Глупости!). Для выражения эмоций используются и другие части речи, и целые обороты (в том числе – бранная лексика, матерные слова): *Мари отсюда! Брысь!*

Иди ты на...! А по ха не хо? Что?! Некоторые обороты, представленные в письменной форме, могут быть истолкованы двояко. Последний пример (*что?!*) можно толковать не только как изумление, но и как угрозу. Оборот «Умница ты моя!» в зависимости от интонации, на письме не передаваемой, может трактоваться и как умиление или восхищение (по отношению к ребенку, что-то хорошо сделавшему по собственному почину), и как осуждение (в значении издевательском – это обращение к человеку, совершившему какую-то вполне очевидную глупость) и т.д. Подобные разные толкования (что равноценно значению) одного и того же междометия, обусловленные различиями в его интонировании, в оттенках тембра или ритмическом построении, позволяют говорить о “многозначности” междометий, что легко подтвердить примерами из разных языков. Так, в селькупском языке междометие эрэ! (возможно удлинение конечного э) выражает удивление и испуг, а междометие *ĉi* – отвращение и ощущение холода (последнее соответствует в русском языке сочетанию *брр!*) и др. (Очерки по селькупскому языку 1980: 330-331). Междометие *memeta* и его варианты (*Mämeta*, Юрочка, *ĉüat! Memeta oraty! ...L'a, l'aqa, mämety orqy!Vät!* «Ну же, Юрочка, стреляй! Ну же, лови! Эй, друг, ну же, хватай!») (Кузнецова 2007: 66-67) используются как побудительные. Слово *kyssa* можно интерпретировать не только как междометие побуждения «ну-ка!», но и как частицу, соответствующую русской частице *-ка*, используемой для образования повелительного наклонения и будущего времени (*Kyssa man moqunä qälläk* «Ну-ка, я домой

пойду=Пойду-ка я домой») (Очерки...: 302-303)¹. Частные случаи подобной полисемии междометий в дальнейшем более подробно будут рассмотрены на материале лишь одного языка, но сопоставлены с некоторыми другими уральскими языками.

В данной работе речь пойдет в основном о способах выражения эмоций (в связи с этим и о многозначности самих эмоций и способах их выражения) в языке бесермян, проживающих в селе Шамардан на севере Удмуртии. На первый взгляд может показаться, что и сами эмоции, испытываемые жителями Шамардана, и способы их передачи на письме мало чем отличаются от выражения эмоций в других языках. Однако внимательное рассмотрение возникающих в ходе работы проблем позволяет обнаружить далеко не во всех языках (привлекаемых для сравнения) такие особенности передачи эмоций, которые имеются в языке бесермян и отсутствуют в других языках. Именно об этих случаях (раритетных с точки зрения не только русского языка, но и языков финно-угорских и самодийских) в основном и пойдет речь в дальнейшем. При этом необходимо учитывать, с одной стороны, что *автор* данной работы *записывал звучащую речь*, передавая ее с помощью знаков препинания и некоторых комментариев, даваемых самими носителями языка, а *человек, читающий статью, вынужден полагаться только на авторский текст* и / или на пометы к нему и дополнительные разъяснения.

¹ Часто бывает трудно провести границу между частицей и междометием. Напр., В.Н. Соловар слово *сър* относит к разряду частиц и переводит как «ну-ка»: *ванна юва -сър «ну-ка, подойди!»* (Соловар 2006). В данной статье подобного типа случаи рассматриваются как междометия.

Слова, о которых будет говориться в дальнейшем, были отнесены в свое время Ж. Вандриесом к «грамматическим орудиям языка» (Вандриес, 1937: 130). Это так называемые служебные части речи, в большинстве своем не имеющие самостоятельных грамматических категорий, но часто выполняющие синтаксические функции, использующиеся для связи слов и предложений, в отличие от междометий и модальных слов, представляющих собой явление иного порядка. Частицы, модальные слова, союзы и нередко даже междометия в той или иной мере связаны между собой, что можно видеть на примере многих языков (См., напр., (Очерки по селькупскому языку, 1980: 300-309, 324-333)). Среди большого количества служебных слов междометию принадлежит особое место. В свое время об этом писал Ж. Вандриес: «...в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно явление другого порядка... Оно не имеет ничего общего с морфологией. Оно представляет собой специальную форму речи – речь аффективную, эмоциональную или иногда речь активную, действительную; во всяком случае, оно остается за пределами структуры интеллектуальной речи» (Вандриес, 1937: 114)¹.

В чем же конкретно специфика эмоциональной речи, особенности передачи эмоций в устной и письменной речи? Каковы особенности эмоций в разных языках (в том числе – не только уральской языковой семьи)? Какие виды эмоций и способы их передачи можно выделить в речи носителей шамарданского диалекта? В частности, имеется ли какая-то корреляция между разными эмоциями и способами их выражения? Есть ли какая-либо взаимосвязь или взаимозависимость между разными используемыми членами предложения, видами интонаций и эмоциями? Для ответа хотя бы на часть этих вопросов необходимо, прежде всего, установить наибольшую взаимосвязанность эмоций с различными частями речи (в том числе –

служебными), для чего предлагается рассмотреть основные типы междометий и их значения на конкретном примере шамарданского говора удмуртского языка.

Вопросительные междометия и их значения

В качестве первого наглядного примера можно привести частушку, в которой используются слова, суммарно называемые служебными и включающие в свой состав вопросительные междометия **оло** и **а**: **Оло** ужэно-**а**, **оло** коллэно-**а**, **оло** нолльос дорэ пегджэно? “То ли (либо) спать, то ли лежать, то ли к девушкам бежать?” Одновременно возможны другие варианты, в которых встречаются либо только **оло**, либо только **а** или и то, и другое междометие. Следует сразу оговорить нередко встречающиеся разные написания одного и того же слова: это связано как с разным произнесением такого слова разными информантами, так и с различием в записях исследователя (где чередуется порою транскрипция с орфографической записью) тех или иных диалектов, из которых приводятся примеры.

1. **Оло** узэно **оло** эвал? (Или: Узэно-**а** эвал-**а**?) – Ачим уг тодисько. «То ли спать, то ли нет? (Спать или нет?) – Сам не знаю».

2. Парсэс тештано кулэ: сийоно-**а**, вузано-**а** (*другой вариант: оло* сийоно, *оло* вузано). Уг тодышко: сийоно **оло** вузано? – Свинью палить надо для еды (*имеется в виду – себе*) или на продажу. Не знаю, есть (*самим*) или продать?

3. Мэрло тон соэ вандыд? Сиано-**а**, вузано-**а**?– Для чего ты резал это (*мясо*)? Для еды ли, для продажи ли? (букв.: для есть ли, для продать ли?) Каль уг тодышькэ. – Сейчас не знаю.

4. Эй! Ни тодма, **оло** нэл, **оло** пи, **оло** кошно, **оло** мурт? «Эй! Не узнал, то ли девочка, то ли мальчик, то ли женщина, то ли мужчина».

Во всех приведенных примерах передаются эмоции разного типа: недоумение, неуверенность; сомнение, колебание в принятии решения. Вместе с тем, они могут быть объединены в одну группу. Это – эмоции, требующие принятия какого-то решения, ответа на некоторый вопрос. Напр., человек отдает взятое у соседа ведро, а владелец ведра спрашивает: Кулэ на-а? «Надо (не понадобится ли) еще?». При варке яйца типичен ответ на вопрос, сварилось ли яйцо: Мон уг (ук) тэдишькэ, **оло** кишматка луиз, **оло** зол лэсьти. «Я не знаю, то ли всмятку, то ли сильно крутое» и т.п.

Наиболее частотным, судя по собранным примерам, можно считать союз **а**, выполняющий несколько разных функций, в том числе пересекающихся со значениями междометий и частиц. Естественно, что возникает трудность проведения границы между **а** – союзом, междометием и частицей, не говоря уже о различении многочисленных оттенков междометия **а**, которое может передавать прямо противоположные эмоции: радость, ужас, сомнение, удивление, догадку и др.

На вопросительную функцию приводились уже примеры выше. Однако ими не исчерпываются многочисленные варианты использования вопросительного слова того или иного типа применительно к той или иной ситуации. Напр., вопрос часто сопутствует выбору какого-либо вида пищи:

Мар со: курэк сіль-а, джаджес сіль-а, ош сіль-а, парс/шь сіль-а, скал сіль-а «Что это: курятина ли, гусятина ли, бычати́на, свинина, говядина ли?».

При переводе этого оборота часто вопросительная частица, переводимая обычно на русский язык как ли, опускается². В подобных примерах столь же обычно при переводе на русский язык употребляется не только частица ли, как это видно по уже приведенным примерам, но также или и то ли.

Имеются устоявшиеся парные слова, вроде озьяа-тазьяа, означающие «так или иначе; так ли, этак ли» и т.п., напр.: Уг тэдиськэ озьяа-тазьяа верано «Не знаю, так или как сказать». Аналогичный пример: Десьа-орода луичкэда? «Хорошо ли – плохо ли живете?» – Милям вичак десь. – У нас всё хорошо. А ты кэзэ луичкода? А вы как живете?

Вопросительное слово **а** часто употребляется при конкретном кратком вопросе, напр.: Книга-а (нянь-а) баиштыд? «А книгу (хлеб) купила?»; Пукон-а ваид? «А стул принесла?». Пичи киет-а вузат? «А маленький платок продал?». Кэд кэ локтэ-а? «Кто-то идет?»

Случается, что при перечислении нескольких слов спрашивающий, желая получить определенный ответ, использует только вопросительную интонацию: Кэче со адями? дюсь-а удморт-а? «Что за человек? (кто этот человек?), одежда удмуртская?». Слово дюсь лишь

² В коми языке в предложениях такого типа нередко используется заимствованная из русского языка частица **ли** вместо собственной частицы **ə = ö**: Ме тон тенчид мэдi юоны позе **ли** тедорад воны. «Я сегодня у тебя хотела спросить, можно ли к тебе прийти». Ме мэдi юасьны позе **ли** воны вонджык рэбета вылэ. «Я хотела спросить, можно ли прийти пораньше на работу». В селькупском языке частицы *ли, или, то ли* переводятся частицей *qaj*: Тэр түр qaj ёрусa, qaj аша ёрусa «Он огонь то ли разжег, то ли не разжег?». Вопрос в этом предложении может быть заменен на точку или даже на отточие (...), передавая колебания говорящего.

изредка можно слышать от жителей Шамардана старшего поколения, напр.: *Дюсь тол юн кезьыт, мэнам мужыкэ дюсь. «Одежда зимняя очень холодная, моего мужа одежда».* В речи молодых это слово практически не встречается; чаще звучит дись/шь.

Иногда краткое **а** выступает в иной функции – функции противопоставления. Обычно подобное явление наблюдается в диалогах. Напр., один из собеседников задает другому вопрос о том, как тот живет. Когда спрошенный кончает рассказ о своей жизни, он задает аналогичный вопрос своему собеседнику и слушает его ответ:

А тон кэзэ луиськод? – Мi ород луиськом. «А ты как живешь? – Мы плохо живем».

А мало эрот? «А почему (зачем) плохо?». Пиняльос коськизе ни городэ. Мi кэлим огнямо кошноэн. Со ялан висе. «Дети уехали уже в город. Мы остались одни с женой. Она всегда болеет».

Как видно по приведенным примерам, границы между разными служебными словами весьма зыбки. Подтверждением этому может служить бесермянское слово **да**, **Мар да мар сыйонзе вал?** «Что еще из еды было?»³.

Вопросительная интонация нередко бывает характерна для грубых вопросов, как, напр.: **Мар** чирдышкод? «Что распелся?» (обращение к ругающемуся человеку). **Мар** вузышкод кион кадь? «Что воешь, как волк?». Вместо вопросительного слова используется лишь слово **мар**, выполняющее обычно функцию частицы или союза.

³ Со словом *мар* не менее часто встречается частица **ке**, означающая «что-то»: Ульча юн кэжэт; мар **ке** кулэ джисьяно. «На улице холодно; надо что-то одеть». Мар **ке** магазиньс? «Что-то купила ты из магазина?»

Хочется задать встречные вопросы. Всегда ли можно однозначно понять, с чем мы имеем дело, что перед нами: вопрос или восклицание? Междометие или частица?

Восклицательные междометия и их значения

Под восклицанием понимаются громко, повышенным тоном произносимые слова и фразы. Это может быть возглас, отражающий повышенное настроение говорящего и передающий какое-то сильное чувство, волнение. Восклицание обычно передается междометием, произносимым с высокой интонацией. К числу восклицательных междометий относятся также междометия (уже упоминаемые наряду с вопросительными), которые в ряде случаев допустимо считать антонимическими восклицательными междометиями, поскольку бывает трудно провести границу между ними как в устном, так и в письменном варианте.

Междометие **а** употребляется не только в вопросительном значении, о чем уже говорилось; оно может функционировать и в *значении удивления и радости*, а также в ситуации, когда человеку стало что-то понятно. В этом случае оно обычно приобретает долготу: **аа!** Напр.: **Аа**, табере валай! «Аа, поняла, наконец!». Такого типа фразы часто сопровождаются взмахом руки. **Аа**, баштыд, **а** мон кужай съотыза. – «А! Купила, а я думала – дали». В последней приведенной фразе второе **а** (без восклицательного знака) – союз. Провести границу между союзом и междометием бывает нелегко. Это касается не только упоминавшихся ранее служебных слов, но и таких слов, как **да, и, но**.

Междометие **и** встречается не столь часто, как **да** и **но**. Оно устарело и используется в основном в языке старшего поколения, передавая сожаление или удивление, что

какая-то догадка подтверждается. Напр.: **И**, тэдаз ваис! «А, вспомнила!». **И!** Ож кароно вэлэн! «А, это надо было сделать!». Едва ли не чаще других междометие **и** совмещает в себе удивление и вопрос: **И!** Солэна со пиэс? «А! Его он сын?».

При перечислениях разного рода жизненных трудностей и неудач нередко используются междометия, выражающие *сожаление, сочувствие*, как, напр.: **экекек!**⁴

⁴В с. Теги Березовского района ХМАО эквивалентом бесерм. междометия **экекек** является хант. слово **кай**: **Кай**, **му́й** наң версын? «Эх, что ты наделал/натворил?». Удивление может передаваться и в иной форме, содержащей в себе оттенок досады: Муйа! Щиты хо потырлїн «Эх! Зачем (почему) так говоришь?». Междометие **я!** также передает удивление, доказательством чего служит второй из приведенных в двух вариантах примеров: **Я!** Муйа наң тый исын (=Я! Наң тый ис'и йохтсын «Ты сюда тоже пришла?»). Или: **Я!** Лўв яма аритад «О! Он хорошо поет, оказывается!». В работе В.Н. Соловар (Соловар 2006) встречается последний из приведенных примеров, но с иным междометием (**ина!** вместо **я!**); перевод на русский язык междометия («У, да он хорошо поёт!») вызывает сомнение, которое может разрешить лишь наличие полного текста. Есть расхождения в переводе и других междометий, напр., междометие **я!** в работе В.Н. Соловар соответствует русскому слову **ну** (**ну**, куда это мы пришли?), а по мнению жителей с. Теги, оно равноценно слову *почему* (почему мы сюда пришли?). Возможно, при наличии более полных контекстов в работе В.Н.Соловар вывод мог бы оказаться иным. Междометие **я́нана** (напр., кáши! «ой, больно!») может употребляться также, когда речь идет о чем-то смешном. Восклицание **эс'ик-сорни!** – предостережение, которым пользуются, желая оградить себя от страшных бед.

При удивлении, когда человек узнает что-то хорошее, обычным является восклицание, но нередко без всяких междометий: Си хоты! Лўв ёхтыс! «Надо же! Она вернулась!». Типичны фразы с глаголами в повелительном наклонении: Соро манá! «Быстро иди!». Ты манема! «Сюда (быстро) подойди (иди)!» и др.

В живой речи нередко просьба и вопрос воспринимаются однозначно: Мánем саккар мáлáн! «Дай мне, пожалуйста, сахар!». Однако букв. перевод иной: ‘Мне сахар дашь?’ (Соловар & Кошкарёва, 1996: 96).

«Ох!» и некоторые другие. После рассказа о том, как трудно жили в старину, часто подводится итог: **Экекек**, сока со озь вал! «Ох-ох-ох! Тогда оно так было». Иногда добавляется: да-да, да! Был и другой вариант: **Экеке**, арёс но орчизо! «Ох-охо, годы так и прошли!». Помимо сожаления о прошлом это же местоимение могло передавать досаду, выражать неудовольствие по поводу сделанного: **Экекек!** Мар лысьтыд тон! «Эх! Что ты сделал (наделал)?». Возможна и просто грустная констатация случившегося: **Экеке!** Косьагес сырит! Косьак пийалайэс сырит. «Эх, косяк разбил! Стекло косяка разбил».

Выражение досады нередко передается сочетанием слов, явно заимствованных из русского языка и несколько переиначенных, напр. Ёдрин палкин! «Ёлки-палки!». Нередко можно услышать: эн каргет! Мон каргэтышко-пе? Зорос! «Не каркай! – Я каркаю, что ли? Дождь будет!». *Досада и порицание* могут быть выражены также с помощью слова **ук** «ведь»: эх, тон! Ород лэсьтыд **ук!** «Эх, ты! Плохо сделал ведь!». Это же слово передает удивление и нередко переводится как «уже»: Кэк племйэс чагиськызы, собере чилектизы. Э, Инмаре, вичак чашйем погырьям **ук!** «Две тучи разошлись, потом молния блеснула. О, Господи! Всё молнией повалило уж!». Такими образами здесь передано выражение страха и удивления одновременно.

К разряду междометий, встретившихся в Шамардане, очень близки обороты, означающие *приветствия и прощания, добрые пожелания*, а иногда и *проклятия*:

эн вись! «Не болей!». Здравьед мед лоз! «Доброго здоровья!» (здоровье чтобы было). Тура олэ! «Хорошо живите! До свиданья!»⁵.

К названным здесь «восклицательными» междометиям можно отнести не только перечисленные слова-междометия, но и обычные слова, произносимые с долгим ударным гласным, что эквивалентно эмоциональному выделению того или иного слова в случае восхищения. Выражение восхищения предполагает обычно соответствующую ему интонацию, то есть восклицательную, и, как правило, с выделением ударного долгого гласного, а также междометия, напр., **ой!**: **Ой!** Кэче чебер! «Ой, какая красота!». Или «Кче платтеес! Чебеер!». – Какое плааатье! Красиивое! Вместе с тем, при отрицательной оценке или при плохом отношении к чему или кому-либо обычно используется не только местоимение *кче*, но и междометие, напр.: **Ух**, тон **кче** вэлэм! «Ох, ты какой, оказывается!». В предложениях такого типа часто местоимения *как*, *какой* произносятся как **кче**. Однако в вопросительных предложениях эмоционально нейтральных **каче** «как, какой» фигурирует без усечений, но с сохранением постпозитивного **а** в ответном слове: **Каче** со (мар со) дисяськемен? Чебер-а, ород-а? «Как она одета? Красиво ли, плохо ли?».

⁵Ср. коми (Сосьва): Видзя олэн! Здравствуйте! Ханты (Теги, Кушеват): Ийм улем! До свиданья!; Вусья ула! «Здравствуйте!» (с уважением к старшим). Пайм олэм сэрэкеша! «До свиданья, до скорой встречи!». Шюнен йетэп «Добрый вечер!», Щюнэ ат! «Спокойной ночи!». Селькупы: Тогова! (из русск. яз.) «Здравствуйте!».

Таким образом, 1) восклицания могут быть выражены многими словами, к которым относятся не только междометия, но и омонимичные им местоимения, союзы;

2) большое значение имеет интонирование, не зависящее от используемых частей речи;

3) восклицательные междометия (в том числе – устаревшие) передают различные значения (напр., удивление, радость, восхищение, недовольство, досада, сочувствие, порицание и др.). При этом обычно используется несколько способов передачи эмоций (удлинение гласных, разные междометия).

Возможные ‘повествовательные’ эквиваленты междометий и их значения

Едва ли не чаще, чем перечисленные ранее случаи, можно встретить в Шамардане междометие, в отношении которого трудно решить, разумно ли вообще его считать таковым: оно не относится ни к восклицательным, ни к вопросительным. Это – слово **но**, обычно переводимое как «и» или «да», стоящее в постпозиции и передающее то ли пренебрежение, то ли безразличие. Статус данного слова определить трудно, несмотря на его частое употребление. Встречается **но** и в функции перечисления, иногда вызывая у говорящего и слушающего чувство единообразия и безнадежности. Напр., на вопрос Марин манідэ отча-отча? «На чем поехали в такую даль?», следует шуточный ответ: И машинаэн **но**, и подэн **но**, и скалэн **но**, и валэн **но**; эн ювал лэскэ! «И на машине, и пешком, и на корове, и на лошади; не спрашивай!». С другой стороны, не исключено, что в данном случае можно говорить и о союзе, выполняющем функцию перечисления, но тогда непонятно, почему же это делается дважды (перед и после слова)? Возможно, в данном случае следует найти более адекватный перевод

междометия. Следующий пример представляет собой ответ на вопрос: Ку вал со? «Когда было это?»: Апрельэ **но**, тулос **но**, гужэм **но**, толалтэ **но**, сьизьыл **но**. «И в апреле, и весной, и летом, и зимой, и осенью». В этом случае понятно, что речь идет о спокойном перечислении временных периодов, передаваемых междометиями особого типа, занимающими в тексте постпозицию. В (Удмуртско-русском словаре) 1986 г. **но** интерпретируется как 1) союз (соединительный, одиночный, повторяющийся и противительный) и 2) как усилительная частица **и**. В обоих случаях в нестандартных примерах, приведенных выше, присутствует эмоциональное напряжение, что и позволило в данном случае назвать это служебное слово междометием.

Выше был приведен вопрос, оставленный в тот момент без ответа (Мар да мар сыйонзе вал? «Что еще из еды было?»), на который теперь дается ответ: Сіль **но**, войән нянь **но**, губи **но**, кульбака **но**. «**И** мясо, **и** хлеб с маслом, **и** грибы, **и** кулебяка». Здесь мы видим то же построение фразы, что и в предложении с наименованиями месяцев. Аналогичная картина – во фразе: Милям пинялльос ород **но**, чебер **но** дисьяськоло; ку школаэ мэно, чебер дисьясько; ку картошка гопанд – ород дисьясько. «У нас ребята и плохо, и красиво одеваются: когда в школу идти, красиво одеваются; когда картошку копать – плохо одеваются».

В языке бесермян и в русском встречается немало сходных по смыслу устойчивых сочетаний, напр., Собэтча коньдон зэ – курек **но** ог кокча «Столько денег – даже (и) куры не клюют». Пичи ке **но** – визьмо «Маленький да удаленький» (Хоть и маленький, да умный). Кукэ вань – кукэ эвэл «То густо, то пусто» (букв. «когда есть, когда нет») и др. В двух первых из них используется всё то же многозначное слово **но**. Во всех этих сочетаниях **но**

получает несколько иную окраску, чем слово **но** в функции перечисления.

Судя по приведенным примерам, можно допустить готовность собеседников согласиться с любым предложением в силу несущественности вопроса, как во фразе типа 'Что еще из еды было?'. В целом в предложениях такого типа речь идет о спокойном повествовании, не вызывающем никаких особых нареканий, эмоций (обычно выражаемых знаком восклицания) и вопросов. Междометия, наталкивающие собеседника или слушателей на тот или иной ответ, на реакцию определенного типа, в этих случаях отсутствуют, хотя подразумевается скрытый вопрос и подтверждение правильности ожидаемого ответа. Иначе говоря, функцию междометия выполняет сама эмоция, формально (на письме) ничем не выраженная. Её наличие (при формальном её отсутствии) можно обнаружить на письме по грамматическим формам (напр., наличие повелительного наклонения, вопроса, восклицательного знака в конце предложения при отсутствии междометий, как напр., ман-ман! «иди-иди!», и т.д.).

Восприятие эмоций на слух производит нередко удивительное впечатление, как, напр., наличие аллитерации в карельских плачах, упоминавшихся выше.

К 'повествовательным' междометиям можно условно отнести ругательства, всегда произносимые эмоционально. Слово чолпан означает «небольшое бревно». Этим словом ругают непослушного ребенка, лентяя, а в сочетании **чолпан тон** оно превращается в ругательство «Чурка ты!» или **мар тон чолпан кадь?** «что ты как чурка?». Между тем, по свидетельству Е.В. Поповой, описывающей календарные обряды бесермян (Попова 2004: 87), чолпан – колотушка, которой стучали по очищенному бревну; бревно гудело, когда по нему били в канун праздника акаяшки, и пели *арафа*

крезь. По свидетельству местных жителей (которым в настоящее время 50-60 лет), бревно и чолпан потом бросали через голову в реку. В канун (тюрк. *арафа*) весь обряд делали старики, на следующий день – молодые и жители среднего возраста. В Шамардане наряду со словом *чолпан* употребляется и слово *чалпа* – колотушка с ручкой (небольшое поленце) для выбивания одежды в мокром виде. Судя по всему, в настоящее время происходит смешение двух слов и появление сравнительно нового ругательного оборота (см. приведенные выше примеры). О тех, кто любит бушевать, дебоширить, говорят: Гэдэрэ кадь гэдэрайашкод, шуметьшкод «Как гром громохаешь, шумишь».

Учитывая не выраженную на письме эмоцию и скрытую интонацию при отсутствии междометий, ругательство можно отнести к разряду повествовательных междометий. Если принять во внимание это обстоятельство, то следует не только ориентироваться на междометия, но и устанавливать выражение эмоций на письме⁶, привлекая грамматические и лексические

⁶ Эмоции выражаются не только знаками восклицания или вопроса, но и даются описательно, как, напр., записанные в селе Еремеево Коми республики Троицко-Печерского района (2002г.) советы, как бороться с сорняками: «1. Медса ыджыд йён пекдённы поле вылысь туй вылб. 2. Пэткөдгдг, дырйи сьылёны: «Гөрд шондї тэ дзоридзалан мича турун виж платтьбөн гөрд дзоридзасөн. 3. Көть и зэб дона тэ и мусса тэ мянлы, но вот колмас нунытэнб сэтчб. 4. Танї тэнб шырбны вундбны. 5. Сэтчб петкөдам, сэнї кутан олны, дзоридзавны мича платтьбөн мича дзбрїдзьясөн». 6. Петкөдбны туй вылб и пуктбны. 7. Шубны мый йон поле улысь петкөдбма, дугдб быдмбнб поле вылбн. Перевод рассказчика (изредка допускаются отклонения от буквального перевода): 1. Самый крупный осот выносят с поля на дорогу. 2. При выносе поют: «Красное солнышко, ты цветешь в красивом зеленом платье алыми цветами. 3. Хотя и очень дорог ты и мил ты нам, но вот приходится переносить тебя туда. 4. Здесь тебя рубят, режут. 5. Туда вынесем, там будешь поживать, цвести в нарядном платье с красивыми

особенности фраз (что постепенно стало вызывать к себе интерес и попытка чего делается в данной статье).

В 1831 г. вышла книга под названием «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная», в которой автор писал, что *междометия, относимые* в данной статье *к выразителям эмоций*, разделяются на восклицательные и звукоподражательные. Позднее К.С. Аксаков обратил внимание на то, что в русском языке «есть формы *трях* и *трух*; но это *звукоподражательные слова, равняющиеся междометию или жесту*, как *бух*, *бац* и проч» (Аксаков, 2011). Звукоподражания, как видно из приведенной цитаты, относят к так называемой ***изобразительной лексике***, что позволяет включить в способы выражения эмоций множество новых корней из уральских языков. Напр., в селькупском языке в сказке об Ичакечике и его бабушке рассказывается о том, как Ича и его бабушка обманули черта, который вместо теплой парки (вид одежды – А.К.) взял берестяную парку и замерз в ней: «*Nunu los ira qәnna. Niłsik qәnna. Siqıgim saıgim kurigim nigimъ*» ‘Потом черт старик пошел. Так пошел: «*Чиърим-чарим-курурим-ниримъ*»’. Так передаются звуки, которые издают лыжные палки, по

цветами». 6. Выносят на дорогу и сажают. 7. Говорят, что осот с поля выведется, перестанет расти в поле».

Могут быть и другие варианты борьбы с осотом, когда, по словам одной жительницы, «соберешь в корыто, полное корыто, и обходишь поле задом четыре раза и говоришь: ‘Иди отсюда на другое место!’ и плачешь, приговариваешь: ‘Какой ты был красивый, большой, хорошенький. Мы все любовались тобой. Сейчас иди на другое место и там расти’. Как будто ты жалеешь и плачешь. Потом выводешь в лес и выкидываешь. Я возила. У меня меньше стало, но надо бы еще делать».

объяснению местных жителей. (Варковицкая, ПМА, тетр.2: 52).

Попытка разобраться в том, что можно называть эмоциями, была вызвана желанием выразить в письменном виде самые теплые чувства Алексею Александровичу Кретову и уверенность, что юбиляр будет еще долгие годы искать и находить новое в нестареющей, но сильно меняющейся лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков К.С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева. – М.: Либроком, 2011. – 224 с.

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М. 1937.

Варковицкая Л.А. ПМА, 1941, тетр.2. Текст Гани Мантакова.26.VIII. – С.50-52.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М., 1976. Изд.2-е. – 1096 с.

Карпенко Л.А. (сост.). Краткий психологический словарь. – М., 1985. – 431 с.

Кузнецова А.И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). – Воронеж, 2007. – 114 с.

Очерки по селькупскому языку – Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т.1. – М., 1980. – 411 с. // Публикации ОСиПЛ. Вып.8. Под общей редакцией В.А.Звегинцева.

Попова Е.В. Календарные обряды бесермян. – Ижевск, 2004. – 256 с.

Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь. – СПб, 2006. – 336 с.

Соловар В.Н., Кошкарёва Н.Б. Мы говорим похантыйски. – Нижневартовск, 1996. – 115 с.

Степанова А.С. Аллитерация в карельских плачах // Фольклор. Образ и поэтическое слово в контексте. – М., 1984. – С. 127-148.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. – М.-Л., 1948 – 1965.

Morris W. Editor. The American Heritage Dictionary of the English language. New York, 1971. – S. 1550 + XLIX.